



Е. В. БОРИСОВ

О двух интерпретациях определенных дескрипций

Дьявол, как известно, скрывается в деталях.
(из статьи В. А. Суровцева)

Были демоны, мы этого не отрицаем.
Но они самоликвидировались.
(из фильма Л. Гайдая
«Иван Васильевич меняет профессию»)

1. Тезис

В этой статье я хочу оспорить один из тезисов статьи В. А. Суровцева «Что же желал знать Георг IV?»*. Речь пойдет об интерпретации определенных дескрипций в предложениях, содержащих:

- сингулярный термин любого вида (это может быть имя собственное, индексикал, употребленный в определенном контексте, или определенная дескрипция);
- определенную дескрипцию;
- связку, допускающую как предикативную, так и идентификационную интерпретацию («есть», «был», «является» и т. п.).

К предложениям такого вида относятся, например, «Скотт был автором *Уэверли*», «Он был автором *Уэверли*», «Автор *Уэверли* — это автор *Айвенго*». Я исключаю из рассмотрения предложения формы «d есть Р», где d — определенная дескрипция, а Р — предикат, а связка не допускает идентификационного прочтения: предложения типа «Король Франции лыс».

* Суровцев В. А. Что же желал знать Георг IV? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 190–200. Статья Суровцева В. А. представлена в этом же разделе антологии, но ссылки Е. В. Борисова приводятся на оригинальное издание.

Тема данной статьи связана с логической спецификой определенных дескрипций: они отличаются от других сингулярных терминов (собственных имен и индексикалов) тем, что обозначают свой объект не прямо, но через некоторое индивидуализирующее свойство. Это значит, что определенная дескрипция сочетает в себе черты предиката и сингулярного термина:

- (32) непосредственным образом определенная дескрипция указывает на некоторое свойство, что роднит ее с предикатами;
- (33) при этом определенная дескрипция содержит в себе условие единственности, что позволяет использовать ее для указания на объект, являющийся единственным носителем соответствующего свойства (если таковой существует): это роднит ее с собственными именами и индексикалами.

Эти характеристики позволяют интерпретировать определенную дескрипцию как в качестве *индивидуализирующего предиката* (предиката, о котором известно, что его выполняет строго один индивид), так и в качестве сингулярного термина (указывающего на тот уникальный объект, который выполняет соответствующий предикат). Будем называть такие интерпретации *предикативной* и *объектной* соответственно. Эта двойственность обуславливает, далее, двоякую функцию связи в предложениях указанного вида: если мы интерпретируем дескрипцию как индивидуализирующий предикат, то связка получает предикативное значение; объектная же интерпретация дескрипции требует идентификационной интерпретации связки.

Эту двоякую возможность иллюстрируют две интерпретации, которые Рассел дает предложению «Скотт был автором *Уэверли*» в статье «Об обозначении»:

1. «Одна и только одна сущность написала *Уэверли*, и Скотт тождествен этой сущности»*.
2. «Скотт написал *Уэверли*, и всегда истинно для y , что если y написал *Уэверли*, то y тождествен Скотту»**.

Символически эти интерпретации можно представить, соответственно, следующим образом:

- (1) $\exists x$ (автор *Уэверли* (x) & $\forall y$ (автор *Уэверли* (y) $\supset y = x$) & $x =$ Скотт);
- (2) Автор *Уэверли* (Скотт) & $\forall y$ (автор *Уэверли* (y) и $y =$ Скотт).

* Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 17.

** Там же. С. 21.

Как видим, в (1) определенная дескрипция получает объектную интерпретацию, а связка — идентификационную; в (2) фигурирует только один сингулярный термин (имя «Скотт»); дескрипция же выполняет функцию предиката, и связка, соответственно, имеет предикативное значение*.

Это различие имеет следствием тот факт, что в (2) тождество (знак «=») входит только в условие единственности ($\forall y$ (автор Уэверли (y) $\exists x = x$)), тогда как в (1) тождество входит как в условие единственности, так и в предложение « $x = \text{Скотт}$ ». Второе вхождение тождества в (1) обусловлено, очевидно, идентификационной интерпретацией связки «был» в предложении «Скотт был автором *Уэверли*». Нам будет удобно иметь специальные термины для различения этих вхождений тождества; тождество в контексте условия единственности будем называть *индивидуализирующим*; тождество, выражаемое связкой соответствующего предложения (когда она имеет идентификационное значение), будем называть *реляционным***.

Теперь мы можем сформулировать тезис В. А. Суровцева и альтернативный тезис данной статьи. Тезис В. А. Суровцева состоит в том, что 1) реляционное тождество присутствует в предложениях указанной формы существенным образом, поэтому 2) определенные дескрипции в таких предложениях могут иметь *только* объектную интерпретацию, а связки — *только* идентификационную. Мой контртезис таков: во всех предложениях указанной формы 1) реляционное тождество может быть редуцировано, поэтому 2) как определенные дескрипции, так и связки допускают предикативную интерпретацию***.

* В. А. Суровцев пишет: «По сути дела, его (Рассела. — Е. Б.) работа «Об обозначении» посвящена в большей степени не отличию сингулярных обозначающих фраз от собственно имён <...> но как раз таки отличию определённых дескрипций от предикатов» (*Суровцев В. А.* Что же желал знать Георг IV? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 196). Оставляю в стороне сомнения относительно историко-философского содержания этого суждения и отмечу главное для нашей темы: конечно, определенные дескрипции в трактовке Рассела отличаются как от собственных имен, так и от обычных предикатов. Однако это не мешает им иметь общие с предикатами и именами характеристики и, что более существенно, не мешает им функционировать как в качестве (индивидуализирующих) предикатов, так и в качестве сингулярных терминов (с предикативно опосредованной денотацией).

** Выбор термина обусловлен тем, что предложение вида «а есть b», в котором связка имеет идентификационное значение, утверждает отношение корелативности двух сингулярных терминов — или квазиотношение самоотнесенности их референта.

*** Единственное ограничение: в предложениях, содержащих две определенные дескрипции, обе дескрипции не могут быть предикатами: предикатив-

Мой аргумент незамысловат: для каждого предложения указанной формы обе возможные интерпретации *эквивалентны* в смысле совпадения истинностных условий. При отсутствии лингвистических конвенций, которые вынуждали бы к идентификационной интерпретации связки (для стандартных связок вроде «есть», «является», «это» таких ограничений в русском языке, насколько я могу судить, нет), это означает, что ни одна из них не является обязательной.

Применительно к предложению «Скотт был автором *Уэверли*» тезис представляется тривиальным: как (1), так и (2) истинно тогда и только тогда, когда Скотт является единственным автором *Уэверли*. Этот пример допускает очевидное обобщение на все случаи, когда определенная дескрипция в предложении связана с именем собственным или индексикалом — выражением, которое может быть только сингулярным термином.

Рассмотрим альтернативный случай — когда в предложении фигурируют две определенные дескрипции, например: «Автор *Уэверли* был автором *Айвенго*». Анализируя это предложение, В. А. Суровцев с неожиданной категоричностью заявляет: «Здесь связка “есть” используется именно в виде тождества»*. Поэтому выражаемую пропозицию он анализирует следующим образом:

(3) $\exists x \exists y$ (автор *Уэверли*! (x) & автор *Айвенго*! (y) & $x = y$)**

Мне, однако, уверенность В. А. Суровцева относительно интерпретации связки в данном предложении представляется необоснованной. Как и в предыдущем случае, здесь связка допускает предикативную интерпретацию:

(4) $\exists x$ (автор *Уэверли*! (x) & автор *Айвенго*! (x)).

Возможные словесные формулировки для (4):

а) Единственный автор *Уэверли* является единственным обладателем *свойства* «быть автором *Айвенго*». (Я выделил слово «свойство», чтобы подчеркнуть предикативный смысл связки и второй дескрипции.)

ная интерпретация одной из них обязывает к объектной интерпретации другой. Но это просто потому, что Боливар не рассчитан на двоих.

* Суровцев В. А. Что же желал знать Георг IV? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 198.

** Здесь и далее используется следующая конвенция: $F!(a) = F(a) \ \& \ \forall x (F(x) \supset x = a)$.

б) Единственный автор *Айвенго* является единственным обладателем свойства «быть автором *Уэверли*»^{*}.

с) Существует индивид, который является единственным обладателем свойства «быть автором *Уэверли*» и единственным обладателем свойства «быть автором *Айвенго*».

Эквивалентность пропозиций (3) и (4) очевидна: обе истинны тогда и только тогда, когда некий индивид является единственным автором *Уэверли* и единственным автором *Айвенго*. Таким образом, здесь, как и в предыдущем случае, необходимым образом присутствует только индивидуализирующее тождество, но не реляционное.

Отмечу, что я вполне согласен с В. А. Суровцевым в том, что объектная интерпретация описания и, соответственно, идентификационная интерпретация связи в предложениях указанной формы *возможна*. Не согласен я с его утверждением, что такая интерпретация является *единственно* возможной.

В следующем разделе я попытаюсь показать, что предикативная интерпретация описания и связи в некоторых случаях является не просто одной из возможных, но *предпочтительной* (хотя едва ли существуют контексты, в которых такая интерпретация обязательна).

2. Тождество в доклических контекстах

Интересный ракурс данной темы связан с проблемой взаимозаменяемости *salva veritate* сингулярных терминов в доклических контекстах. Рассел ставит эту проблему на примере вопроса Георга IV об авторстве *Уэверли*: можно ли заменить *salva veritate* описанию «автор *Уэверли*» именем «Скотт» в следующем контексте: «Георг IV желал знать, был ли Вальтер Скотт автором *Уэверли*»? Обсуждение этой проблемы имело результатом дистрикцию первичного и вторичного вхождения описаний относительно доклического оператора. В. А. Суровцев ставит любопытный вопрос о возможности обратной замены в сообщениях такого рода. На примере с вопросом Георга IV: будет ли верно сказать, что Георг IV интересовался, является ли автор *Уэверли* автором *Уэверли*? (Здесь, конечно, нужно иметь в виду Расселову посылку, что «первый джентльмен Европы» не сомневал-

* В предложении (а) описания «автор *Уэверли*» выступает как сингулярный термин, а описания «автор *Айвенго*» — как индивидуализирующий предикат, в (б) — наоборот. Это различие между (а) и (б) можно представить формально, используя йота-оператор:

а) Автор *Айвенго*! ((ix) автор *Уэверли* (x));

б) Автор *Уэверли*! ((ix) автор *Айвенго* (x)),

где «(ix) F(x)» означает денотат описания «the F» («тот, кто F», «то, что F» и т. п.).

ся в законе тождества, т. е. пропозиция, являющаяся предметом его любопытства, не должна иметь форму « $a = a$ ».) Если да, то нам необходимо дать адекватную интерпретацию предложения:

(Г) Георг IV интересовался, является ли автор *Уэверли* автором *Уэверли*.

Анализируя данное высказывание, В. А. Суровцев приходит к выводу, что средств разработанного Расселом анализа недостаточно для его адекватной интерпретации, и предлагает использовать выдвинутую Доннеланом дистинкцию атрибутивного и референциального употребления определенных дескрипций. По моему мнению, намеченный В. А. Суровцевым подход, интегрирующий трактовки определенных дескрипций Рассела и Доннелана, перспективен и заслуживает обсуждения*. Сейчас, однако, я хочу оспорить его мотивировку: я считаю, что для адекватной интерпретации (Г) достаточно предложенной Расселом дистинкции первичного и вторичного вхождения определенных дескрипций относительно операторов. В интерпретации, которую я считаю адекватной, дескрипция «автор *Уэверли*» имеет как первичное, так и вторичное вхождение относительно доксического оператора:

(5) Эх (автор *Уэверли!* (x) & Георг IV желал знать: автор *Уэверли!* (x)).

В. А. Суровцев находит эту интерпретацию «нелепой», поскольку она «предполагает, что существует какой-то конкретный автор, который написал *Уэверли*, и Георг IV сомневался, действительно ли тот самый конкретный автор, который существует, является автором *Уэверли*». Хм... Пожалуй, в этом пересказе предложенная интерпретация и правда выглядит нелепо, — но фокус тут в одной детали. В процитированном пассаже говорится: «Георг IV сомневался, действительно ли <...> автор <...> является автором**». Здесь складывается впечатление, будто Георг IV знал, что некто является

* У меня сложилось впечатление, что выкладки В. А. Суровцева в третьей части его статьи предполагают трактовку референциально употребляемых определенных дескрипций в качестве семантических примитивов — терминов с прямой референцией, подобных собственным именам. Эта трактовка, намеченная Д. Капланом и детально разработанная Ж. Марти, представляется мне спорной, однако это тема для отдельной дискуссии. Кроме того, мне кажется сомнительной попытка определить дистинкцию «атрибутивное или референциальное» без использования семантики возможных миров.

** Суровцев В. А. Что же желал знать Георг IV? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2(26). С. 196.

автором, и хотел знать, является ли он автором. Проще говоря, этот лукавый пересказ передает другую (и да, нелепую) интерпретацию любопытства Георга IV: интерпретацию, в которой дескрипция имеет два *вторичных* вхождения. Заменяем негодную деталь. Правильный пересказ (5) таков: один и только один человек написал *Уэверли*, и Георг IV хотел знать об этом *человеке* (!), является ли он автором *Уэверли*. Или проще: король предположил о некоем индивиде, что тот сочинил *Уэверли*, и это предположение верно.

Для полноты картины заметим, что этот пример представляет собой несущественную модификацию примера, который Рассел приводит для иллюстрации первичного вхождения дескрипции: «“Георг IV относительно *человека* (курсив мой. — Е. Б.), действительно написавшего *Уэверли*, желал знать, является ли он Скоттом”. Это было бы истинным, к примеру, если бы Георг IV увидел Скотта на расстоянии и спросил: “Это — Скотт?”»*. Вопрос В. А. Суровцева: а если бы Георг IV увидел Скотта на расстоянии и спросил: «Не этот ли господин сочинил *Уэверли*!»

В. А. Суровцев выдвигает еще три возражения против (5). Одно из них я прокомментировал в примечании 2; на два других отвечу сейчас.

1) Если извлечь доксический оператор из (5), мы получим:

(6) $\exists x$ (автор *Уэверли*! (x) & автор *Уэверли*! (x)) или, что то же самое,

(6') $\exists x$ автор *Уэверли*! (x).

По мнению В. А. Суровцева, эта формула не соответствует предложению «Автор *Уэверли* = автор *Уэверли*»: последнее «выглядит как тавтология, т. е. при любых интерпретациях является истинным, даже в случае, если никакого автора *Уэверли* не существует или автор был не один»**. Я здесь затрудняюсь однозначно понять фразу «выглядит как»: означает ли она, что автор утверждает, что данное предложение представляет собой тавтологию — или допускает, что это только видимость? В любом случае, если мы анализируем определенные дескрипции по Расселу, то утверждение об истинности предложения «Автор *Уэверли* = автор *Уэверли*» при всех интерпретациях неверно: если не выполняется условие существования или условие единственности, то данное предложение (по Расселу) ложно, и даже знак равенства ему не поможет.

* Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 18.

** Там же. С. 196.

2) Возвращаемся к теме тождества. В. А. Суровцев считает, что при интерпретации предложения «Автор *Уэверли* — это автор *Уэверли*» не только индивидуализирующее, но и реляционное тождество необходимо: «Роль, которую выполняет вхождение тождества, указывающего на единственность возможного значения переменной, не может заменить роль тождества, которое употребляется для отождествления значения в собственном смысле»*. Обосновывая этот тезис, он предлагает рассмотреть экзистенциальное обобщение (1):

(7) $\exists x$ (автор *Уэверли* (x) & $\forall y$ (автор *Уэверли* (y) $\supset x = y$) & $\exists z$ ($x = z$)).

Его комментарий таков: «Ясно, что подстановка значений на место переменных в (7) по-разному сказывается на его истинностном значении. Выбор возможных значений для z приводит к варьированию истинностного значения, тогда как выбор значения для y никакого влияния на истинностное значение не оказывает». На этом основании он делает вывод о нередуцируемости третьего конъюнкта (в котором присутствует реляционное тождество) и, далее, о неадекватности (6) и (6'), в которых реляционное тождество отсутствует.

Чтобы ответить на это возражение, я позволю себе его переформулировать. Дело в том, что выбор значений для z не может влиять на истинностное значение (7), поскольку переменная z в (7) связана. Думаю, В. А. Суровцев в процитированном пассаже имел в виду не (7), но открытое предложение

(8) $\exists x$ (автор *Уэверли* (x) & $\forall y$ (автор *Уэверли* (y) $\supset x = y$) & $x = z$).

Если эта экзегетическая гипотеза верна, то ответ на данное возражение уже был дан применительно к частному случаю. Дело в том, что (1) — это частный случай (8), поскольку (1) получается из (8) при замене переменной z именем «Скотт». Применительно к пропозиции (1), содержащей реляционное тождество, было показано, что она эквивалентна пропозиции (2), реляционного тождества не содержащей. Обобщенный тезис таков: открытое предложение (8) эквивалентно следующему:

(9) автор *Уэверли!* (z) & $\forall y$ (автор *Уэверли* (y) $\supset z = y$).

Как видим, (9) тоже обходится без реляционного тождества.

Для меня, однако, более интересно именно (7). Дело в том, что (7) эквивалентно (10):

* Там же. С. 196.

(10) $\exists x$ (автор *Уэверли* (x) & $\forall y$ (автор *Уэверли* (y) $\exists x = y$)),

т. е. пресуппозиции существования уникального автора *Уэверли**. Таким образом, если в пропозиции (1) реляционное тождество ($x = \text{Скотт}$) информативно (хотя и устранимо**), то в ее экзистенциальном обобщении — в пропозиции (7) — реляционное тождество ($\exists z x = z$) уже не только устранимо, но и неинформативно. Словом, сторонникам тезиса о нередуцируемости реляционного тождества лучше избегать экзистенциальных обобщений.

Если я ничего не упустил, то выходит, что я отстоял (5) в качестве адекватной интерпретации (Г). В заключение хочу отметить, что (как минимум) одно косвенное соображение делает предикативную интерпретацию дескрипций и связок предпочтительной (хотя и не делает ее обязательной). Это соображение высказал С. Крипке. Воспроизведу его на примере предложения «Скотт был автором *Уэверли*». Если мы предпочитаем интерпретацию (1), в которой присутствует реляционное тождество, то при помещении этого предложения в докисический контекст («Георг IV желал знать, был ли Скотт автором *Уэверли*») нам придется поместить сомнительный конъюнкт « $x = \text{Скотт}$ » в область действия докисического оператора. Но тем самым мы все-таки вынудим Георга IV интересоваться законом тождества! Таким образом, даже имея дело с экстенциональными контекстами, было бы предусмотрительно избегать реляционного тождества на случай, если придется поместить полученную интерпретацию в интенциональный контекст.



* Нетрудно видеть, что (10) представляет собой экзистенциальное обобщение (2).

** Информативность конъюнкта « $x = \text{Скотт}$ » обусловлена не тем, что в нем присутствует реляционное тождество, а тем, что в нем присутствует собственное имя.